

Н.С. Буракова, В.И. Олешкевич

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблема субъекта является фундаментальной для современной психологии, хотя и недостаточно отрефлексированной и проработанной. Целью данной статьи является, с одной стороны, исследование развития психологического субъекта как онтологического феномена в основном с конца XIX по начало XXI века, с другой – анализ генезиса соответствующих теоретических представлений о нем на материале глубинной психологии и психотерапии. Ключевым моментом субъектной проблематики в психологии являются два вопроса: личностной структуры и личностной идентичности. В традиционном обществе проблемы личностной идентичности не существовало в силу исходной принадлежности каждого индивида к определенной семье, сословию и нации. Это проблема постепенно латентно формируется в Новое время вместе с разрушением традиционного уклада и представлений и приобретает социальную остроту в XX веке в ситуации, когда каждый человек должен сам сконструировать свою идентичность, т.е. субъект должен самоопределиться в том, кем он является. Вплоть до конца XIX века человек рассматривался в основном целостно, психология этого периода в значительной мере была психологией Я, психологией монологического сознания. Но в психоанализе Я как субъект действия и сознания начинает дифференцироваться (в его структуру входят как самостоятельные субъекты Ид, Эго, Супер-Эго), а к середине XX века в ряде концепций Я уже состоит из множества различных частей, каждая из которых может претендовать на роль самостоятельного субъекта. Таким образом, реальным субъектом действия и сознания могут быть достаточно различные психические инстанции или уровни самосознания индивида. Построение теории субъекта возможно на пути объединения объективного и феноменологического подходов в психологии в одно целое.

Ключевые слова: субъект, проблема идентичности, социология и культурология идентичности, психотерапия, психоанализ, самосознание, аутентичность, индивидуальность, методология исследования субъекта.

Проблема психологического субъекта является фундаментальной для современной психологии. Г.В. Акопов пишет: «На наш взгляд, в актуальном психологическом поле вся современная психологическая проблематика сконцентрировалась в двух категориях, наиболее тесно взаимосвязанных со всеми другими. Это категории *субъекта* и *сознания*» (Акопов, 2007, с. 45). В.К. Шабельников добавляет: «Одним из ключевых вопросов в организации психики стоит вопрос о субъектной основе этой организации» (Шабельников, 2006, с. 27). Б.А. Еремеев относит категорию

субъекта к основным понятиям психологии (Еремеев, 2006, с. 42).

Существующая культурно-историческая ситуация порождает ряд совершенно новых социально-психологических и клинико-психологических явлений, не характерных для предшествующего времени. Это, например, такие феномены, как размытая идентичность, явление нарциссизма и другие виды так называемых «культурных патологий», которые приобретают сегодня массовый характер (Психосоматика..., 2009; Соколова, 2009 и др.). В связи с этим целью данной статьи является исследование развития

феномена психологического субъекта, а также генезиса соответствующих теоретических представлений о нем и связанных близких явлениях и понятиях в контексте культурно-исторических условий их формирования. Наиболее отчетливо, с нашей точки зрения, этот процесс можно проследить на материале глубинной психологии или психологии, непосредственно связанной с практикой психотерапии. Такого рода анализ может позволить сделать некоторые общие выводы, в частности по поводу состояния современной психологии субъекта в целом.

Проблема субъекта в классической и неклассической психологии

Идентификация человека как субъекта действия всегда была укоренена в культуре в соответствии с ее цивилизационными и историческими особенностями. В Средние века для определения человека достаточно было социально-сословного определения, в Новое время одним из основных понятий, определяющих психологическую сущность человека, стало понятие характера. По этимологии этого слова можно увидеть тесную связь представлений о характере с идеями нравственности. Представление о характере отталкивалось от представлений об особенностях отклонения от нравственных принципов, специфики выполнения нравственных требований и т.д. Подобные взгляды в значительной мере связаны с идеалами античности (Феофраст, 1974). И только в эпоху романтизма рождается собственно идея личности. Романтики открывают в себе внутреннего человека. И идея характера приобретает подчиненный характер, отойдя на второй план. Г. Гегель уже определяет характер как некоторое природное образование, которое возникает за счет синтеза врожденных способностей и врожденного темперамента (Гегель, 1997). Эти идеи были вскоре подхвачены психологами, особенно немецкими, что

и послужило основой для возникновения многочисленных типологий и классификаций типов и видов характера в XIX веке.

Определение личности посредством понятия «характер» продолжается как в психологии, так и в психиатрии конца XIX — начала XX века. В психиатрии возникает ряд типологий характеров, феномен характера соотносится с типом возможной психопатологии и пр. (Э. Кречмер, П.Б. Ганнушкин и др.) (Ганнушкин, 1964; Кречмер, 1930). Достоинством характерологического определения личности является то, что оно стремится удержать конституциональные и психофизиологические особенности психического функционирования индивида. В этом смысле, помимо того, что характер улавливает психологию индивида, он также «укоренен» в его анатомии и физиологии, и является, таким образом, достаточно устойчивым образованием.

Впоследствии место характера как системообразующего фактора в формировании человеческой психики занимают понятие сознания и понятие Я. Это связано с наступающим кризисом традиционной нравственности, с развитием рефлексивного мышления в европейской культуре и с осознанием глубокого внутреннего мира индивида, отличного от общественно одобряемого внешнего поведения. Человек ведет себя в обществе в соответствии с принятыми в нем правилами и нормами, но у мыслящего человека всегда остается особое внутреннее пространство, в котором человек проявляет себя иначе, чем вовне. Нетождественность внешнего внутреннему стала причиной возникновения интроспективной и экзистенциальной психологии и философии, которые и направили свои усилия на поиск Я, поиск «себя самого». И в этом смысле психология XIX века в значительной мере была психологией Я, психологией монологического сознания. Наиболее серьезную

аналитическую разработку понятия Я и сознания получают в начале XX века в психоанализе. И здесь Я (как некоторый субъект действия и сознания) начинает интенсивно аналитически дифференцироваться.

Рационализация и сциентизация психологического мышления постоянно разрушала попытки «схватить» это самое Я. Но инициировав его разложение на различные части (чему способствовали также и объективные условия: дифференциация социальной жизни, увеличивающаяся пропасть между частным и публичными аспектами человеческого существования), психология Я терпит кризис, превращается в различные виды научных психологий (ассоциативная психология, функциональная и пр.). Глубинная психология и психоанализ в этом отношении продолжают традицию деления личности на определенные, пусть и динамически взаимодействующие, части. Те же самые процессы расширяются и в общекультурном плане, растет специализация и дифференциация построения социальной жизни, разрушаются традиции, веками способствующие самоопределению человека. Наряду с этим усиливается общественный контроль за функционированием индивида в обществе. Таковы внутренние и внешние условия, которые привели к востребованности понятия «идентичность». Это связано с тем, что феномен идентичности становится проблемой. Причем проблемой как из внутренней позиции, так и из позиции внешней. С одной стороны, общество затрачивает все больше и больше усилий для того, чтобы все более точно идентифицировать своих граждан с целью контроля над ними. С другой стороны, отдельный индивид, вглядываясь внутрь себя, уже не может четко, как раньше, определить себя и свои границы.

В онтологическом же плане проблема идентичности появляется вместе с

разрушением средневекового общества с его традиционными укладами, где место человека было всегда четко зафиксировано и связано с его происхождением, социальным статусом. Но когда индивид отрывается от очерченного и предзаданного для него в обществе места, сразу же возникает проблема идентичности и сопутствующая ей проблема выбора.

В эпоху постмодерна процессы идентификации могут и вовсе отделяться от закрепленных социальных ролей, превращаясь в некоторую самостоятельную деятельность, свободную игру индивида, в своего рода театральное действо (Giddens, 1991).

Разрушение феномена индивидуальности в психоанализе и возникновение понятия идентичности

Классический психоанализ подходит к изучению характера личности двумя разными путями, вытекающими из моделей индивидуального развития. Во фрейдовской теории влечений были сделаны попытки понять личность на основе фиксаций психологической энергии. Это дало возможность описания определенных характерологических типов, располагающихся линейно, в едином ряду, где один полюс составляют характеры прегенитальных типов, а другой – генитального: оральный, анальный, уретральный, фаллический, генитальный и др. Со временем, по мере накопления феноменологии и дальнейшей дифференциации знания, аналитики стали выделять орально зависимые и орально агрессивные, анально сдерживающие и отторгающие, а затем – и раннеоральные, анальные или фаллические личности и т.д. (Блум, 1996; Мак-Вильямс, 2004).

Позднее, с развитием Эго-психологии, характер был переосмыслен и стал видеться более масштабно. В характер стали включать как совокупность определенных механизмов защиты (какими

способами индивид избегает состояния тревоги), так и организующие функции Эго (О. Фенихель и др.). Данный подход к пониманию личности не противоречил первому: он ввел ряд понятий для осмысления того, что подразумевалось под типом личности, и прибавил ряд предположений о том, как человек развивает свойственные ему адаптационные и защитные реакции.

Сформулировав взгляд на психоаналитическое исследование, которое «...должно было шаг за шагом *добираться до понимания* сложной душевной жизни путем *аналитического расчленения* как нормальных, так и аномальных *явлений*» (Фрейд З., 1999, с. 859) (курсив и подчеркивание авторов), как сам родоначальник психоанализа, так и его последователи пытались создать наиболее рационально прозрачную теорию психики, что позволило бы реализовать идеалы научного познания. С самого начала фрейдовская теория развития личности была биологически обоснованной и подчеркивала первичность инстинктивных процессов. В своей топической теории (работах 1897–1923 гг.) З. Фрейд постулировал наличие трех областей психики: бессознательной, предсознательной и сознательной. Уже в этот ранний период он выделял следующие функции Я, приписываемые большей частью предсознательному:

- 1) связывание свободно перемещающихся инстинктивных энергий;
- 2) организация работы вторичных процессов;
- 3) тестирование реальности и понимание границ внешнего и внутреннего мира;
- 4) синтез, проявляющийся в примирении и объединении бессознательного, предсознательного и сознательного;
- 5) симптомообразование как компромисс между влечениями и защитными механизмами Я;
- 6) видение сновидений.

Позже, ощутив опасность субстантивного взгляда на бессознательное и риск подчеркнута буквального его понимания, Фрейд создаст структурную модель психики, выделив в ней Ид, Эго и Супер-Эго. Поскольку Фрейд считал, что для характеристики Эго в зависимости от той функции, которую оно выполняет, можно воспользоваться всеми тремя свойствами (сознательная, предсознательная и бессознательная), постепенно именно этот конструкт занял одно из центральных мест в теоретических исканиях психоаналитиков.

В структурной теории (публикации «Эго и Ид» (1923) и «Торможение, симптом и тревога» (1926)) З. Фрейд характеризует Эго как структуру и психическую инстанцию с определенными функциями и доминирующими тенденциями (Фрейд З., 1999; 2005). Фрейдовская теория конфликтов отводит Эго роль посредника, компромиссной инстанции, противостоящей, с одной стороны, бессознательным импульсам Ид и требованиям Супер-Эго, а с другой – отвечающей на запросы внешней и внутренней реальности. Все функции, которые выполняет Эго, так или иначе служат инстинкту самосохранения.

Та часть собственного Я, которая наблюдает за происходящим в основном с точки зрения ведущих социальных норм, ценностей и морали, получила имя Супер-Эго. Оно возникает после преодоления эдипова комплекса, являясь своего рода преемником родительских фигур. Подобно Эго, Супер-Эго частично сознательно и частично бессознательно. Важное диагностическое значение имеет оценка того, ощущается ли пациентом непропорционально карательное Супер-Эго как Эго-дистонное или Эго-синтонное. «Расчленив» таким образом психическое человека, З. Фрейд отмечает, что вследствие истории своего образования Супер-Эго имеет

теснейшую связь с филогенетическим достоянием (Фрейд З., 1999). Впрочем, в первой половине XX века, в условиях сложившейся тенденции воспитания в среднем и средне-высшем классах слишком сурового Супер-Эго, обычной терапевтической задачей стала не только попытка сделать бессознательное сознательным, но и помочь пациенту в переоценке слишком высоких моральных стандартов (Мак-Вильямс, 2004). Уже здесь видно, что субъект действия, некогда единый, расчленяется, и появляется несколько субъектов, ответственных за действия индивида.

В 1926 г. Фрейд выделяет в рамках структурной теории новую функцию Эго – подачу сигнала тревоги для приведения в действие защитных механизмов. Ранее тревога рассматривалась как результат непосредственного превращения вытесненной энергии влечения, т.е. была следствием функционирования Эго. Теперь Эго приписывалась также способность автономно приводить в действие защиту на сигнальную тревогу, что подразумевало наличие особых способностей восприятия и аффективного реагирования, которые включены в этот процесс. Тем самым динамической роли Эго стало придаваться большее значение во всех психических процессах. Эго рассматривалось таким образом, как будто оно располагает *множеством защитных механизмов*, способных препятствовать прорыву влечений, или же нивелировать угрозы со стороны Супер-Эго. В своих размышлениях З. Фрейд приходит к выводу, что Эго имеет сознательный (собственно Я, самость, Self) и бессознательный (защитные процессы) аспекты. Расщепление Эго на наблюдающее (сознательное и переживающее) и бессознательное рассматривалось как необходимое условие эффективной аналитической терапии. Но и сама психоаналитическая терапия создавала состояние

определенного расщепления сознания индивида, в том числе и расщепленного Эго. Присутствие / отсутствие наблюдающего Эго стало диагностическим критерием. Также были определены критерии силы или, напротив, слабости Эго, отчего, например, зависит состояние «терпимости к амбивалентности» (Нунберг, 1929, цит. по: Йерон, 2001, с. 128), что повлияло на психоаналитическую диагностику, в результате рассматривающую все виды психопатологии как патологию Эго. Возникшее в результате этого направление исследований создало основу для разработки новых концепций, в том числе Эго-психологии и психологии Я.

Представление о том, что основной функцией Эго является защита от тревоги, возникающей в результате мощных инстинктивных желаний (Ид), проявлений реальности вызывающих беспокойство, а также чувства вины и связанных с этим фантазий (Супер-Эго), было впоследствии развито А. Фрейд в 1936 г. в книге «Эго и механизмы защиты» (Булакова, Олешкевич, 2005; Фрейд А., 1999). По мнению З. Фрейда и его дочери, в каждом симптоме необходимо найти вклады трех составляющих метапсихологической структуры личности, и также необходимо обнаружить их, анализируя тревогу, и затем рассматривая сформированный механизм защиты. Это означает, что каждая из этих сил (Ид, Эго, Супер-Эго, реальность) вносит свой вклад в построение действия индивида. Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис считают, что одной из главных причин нового понимания структурных отношений внутри психического аппарата стало открытие роли различных способов идентификации в процессе построения личности и значения тех устойчивых образований, которые вследствие таких идентификаций внедряются в личность (идеалы, критические инстанции, образы Я) (Лапланш, Понталис, 1996).

Все большим количеством авторов признавалось, что структурная теория с ее упором на понимание процессов, происходящих в Эго, имеет большой объяснительный потенциал. Аналитики переместили интерес с содержания бессознательного на процесс, с помощью которого это содержание удерживается вне сознания, а также стали уделять большее внимание роли агрессии как независимой силе, способствующей возникновению конфликтов в душевной жизни. Так, А. Фрейд справедливо замечает, что «анализ как терапевтический метод с самого начала имеет дело с Эго и его отклонениями; исследование Ид и его способа действия всегда было лишь средством для достижения цели. А цель всегда одна и та же: коррекция этих отклонений и восстановление Эго в его целостности» (Фрейд А., 1999, с. 116).

А. Фрейд отстаивала позицию (и в этом смысле продолжала традицию своего отца), что неврозы – это цена, которую человечество платит за культурное развитие. Ид, Эго, Супер-Эго как психические инстанции имеют свое собственное происхождение, свой смысл, свои намерения и методы действия. То, что они находятся в противоречии друг с другом, столь же естественно и неизбежно, как и последствия, которые осознаются индивидом в форме внутренних конфликтов. *Свобода от конфликтов и целостность личности* являются, следовательно, *недостижимыми* идеалами для культурного человека.

Однако А. Фрейд вместо непосредственного проникновения в Оно с помощью символической интерпретации выдвигает альтернативный путь: двигаться к Оно через проработку защит. Она пишет, что нормальное развитие «основывается не на избегании иррациональных эмоциональных переживаний, а на трудной и порой неприятной переработке и преодолении неразрывно связанных с жизнью позитивных и негативных чувств»

(цит. по: Фрейд З., 1999, с. 32). Когда защитные механизмы не срабатывают, недостаточны, чтобы отбить «атаку» внешнего события или объекта, то, согласно А. Фрейд, может происходить распад Эго. Это сопровождается появлением реакций, характерных для более раннего развития Эго, или даже тех, которые относятся к периоду, предшествовавшему дифференциации психического аппарата (таких, как паралич подвижности, нецелесообразные действия, панические состояния). Другими словами, в случае отказа защитных механизмов наблюдается регрессия. А выздоровление после травмы в этом случае заключается в том, что Эго вновь начинает выполнять свои функции. Тяжесть травмы в свою очередь может определяться, с одной стороны, продолжительностью недееспособности Я, а с другой стороны – полнотой восстановления его функций или характером сохранившихся дефектов.

А. Фрейд, таким образом, систематизировала понятие специфических защитных мер в ответ на угрозу со стороны влечений, открыла новые пути к более точной оценке роли, которую в психической жизни играют аффекты. Она также соотнесла содержание защиты Эго и его отношения к реальности. Это способствовало развитию понимания *Эго как относительно независимой психической организации, которая находится в постоянном взаимодействии с внешним миром, влечениями и другими интрапсихическими требованиями*. Но прежде всего, согласно А. Фрейд, Эго представляет собой совокупность защит от Оно, т.е. является образованием, возникшим из страха перед неподконтрольными этому Я силами, и, следовательно, представляет собой защиты от собственно человеческой природы. Но вопросы о том, как устроено само Эго, как проявляются его функции, не вовлеченные в интрапсихический конфликт, как строится процесс, благодаря

которому Эго справляется с внешним миром, оставались в значительной степени открытыми. Спустя некоторое время на них попытается ответить Х. Хартманн.

Х. Хартманн (вместе с Э. Крисом и Р. Левенштейном, а также Д. Рапапортом) был охвачен желанием превратить психоанализ в общепсихологическую теорию. Для этого он обратился к дальнейшей разработке понятия Эго и его функций, пытаясь свести воедино в рамках структурной теории различные, значительно отличающиеся друг от друга представления о развитии этой инстанции, а также прибегнув к разграничению Эго и самости (Хартманн, 2002). Он писал, что понятие Эго аналитиками часто используется весьма неопределенно. В психоанализе, в отличие от других теорий, Эго нельзя приравнять к личности, индивиду, это не «субъект, противоположный эмпирическому объекту», не сознание и не чувство собственной самости. В психоанализе Эго — частная область личности и определяется его функциями. Ни один аналитик не пытался составить полный список функций Эго, но Хартманн упоминает следующие из них: Эго организует и контролирует подвижность и восприятие (внешнего мира и самости; функцию самокритики, по Х. Хартманну, выполняет Супер-Эго); Эго служит защитным барьером от чрезмерных внешних и внутренних раздражителей; отвечает за проверку реальности; также выполняет антиципирующие, синтетические и другие функции (Вальдхорн, 2002; Хартманн, 2002).

Х. Хартманн ввел различие Эго как психической подструктуры с функциями саморегуляции и адаптации к окружению и Я (Self, самость) как совокупности психических репрезентантов собственной личности. Это позволило дифференцировать функции Эго и самости и оперировать категорией Эго в контексте гипотетических психических структур, регулирующих приспособление индивида

к реальности, а понятием Я — в контексте непосредственного самоощущения и переживания личностью своей целостности. Х. Хартманн использует также термины «саморепрезентация» («репрезентация Я») и «репрезентация объекта», сближая понятие «репрезентация» с понятием «психический образ» (Хартманн, 2002; Соколова, Булакова, Лэонтиу, 2001). Усилия Хартманна привели к тому, что Эго, ограниченное исключительно теми функциями, которое оно выполняет, и разделенное с целостной личностью, превратилось в гипотетико-теоретический конструкт, за пределами которого остались чувства и переживания субъекта.

В 1939 г. Х. Хартманн, Э. Крис и Р. Левенштейн выдвинули идею, согласно которой Эго и Ид следует понимать как результат дифференциации на ступени самого раннего детства. Ранняя дифференциация Эго и Ид рассматривалась ими как результат натиска влечений, а также как следствие конфликтов между влечениями. Причем аналитический акцент делался ими не только на влиянии внешней реальности, но также и на влиянии врожденных свойств Эго на эту дифференциацию. Представление о том, что конституциональные факторы, определяющие процессы восприятия, контроль над движениями, накопление опыта, формирование памяти и научение отчасти развиваются в соответствии с их собственной физиологической последовательностью созревания, позволяет сделать вывод о существовании «первичной автономии Эго» (Хартманн, 2002). Эти функции направлены на взаимодействие с окружением, и являются важными для развития впоследствии базовых функций Эго: адаптации, интеграции, синтеза и самосохранения и своеобразных его ядерных структур. Из этих ядер в раннем Эго развиваются такие функции, как понимание объекта, планирование, продуктивность, хватание, ползание, ходьба, мышление, речь и др.

Для обозначения совокупности этих функций, которые всегда проявляются вне сферы психических конфликтов, Х. Хартманн ввел термин «бесконфликтная сфера Эго». Затем он также показал, что некоторые действия Эго, такие, как защитные меры, которые вначале были включены в конфликт, с течением времени могут становиться относительно независимыми, автоматизированными процессами, служащими иным целям, по сравнению с исходными. Эта идея относительности смены функций привела в 1950-е гг. к формулировке теории «вторичной автономии Эго» (Вальдхорн, 2002; Мак-Вильямс, 2004; Хартманн, 2002).

К 1960-м гг. представления А. Фрейд об Эго расширились от частной проблемы защитных функций до более общего рассмотрения Эго в аспекте введенного Х. Хартманном понятия «бесконфликтного автономного Эго». Такой ход событий отражал готовность психоаналитиков признать тот факт, что само Эго и многие его функции служат тому, чтобы облегчить адаптацию к внешней реальности. В то же время продолжает развиваться динамический подход к исследованию Эго. Например, А. Фрейд признает значение регрессивных тенденций в системе Эго не только с точки зрения развития патологических форм поведения, но и для нормальных процессов развития. С ее точки зрения, прогрессивные изменения Эго также и в норме могут сопровождаться регрессиями и одновременным торможением других его функций (Бурлакова, Олешкевич, 2005; Фрейд А., 1999).

Стремясь найти новые критерии для оценки нормального детского развития, А. Фрейд разработала концепцию линий психического развития. При этом развитие сексуального и агрессивного влечения как репрезентантов Оно, а также чувства реальности и защитных механизмов, возникающих в процессе формирования инстанций Эго и Супер-Эго,

рассматривалось здесь в хронологической последовательности. Идея разработки линий психического развития в известном смысле соответствовала идее Х. Хартманна о необходимости точного и детального описания развития отдельных функций Эго вместо использования таких глобальных понятий, как преждевременное или задержанное развитие Эго (Бурлакова, Олешкевич, 2005; Фрейд З., 1999; Хартманн, 2002). Таким образом, в погоне за точностью определений и операционализацией понятий феномен индивидуальности в психоанализе подвергся дальнейшему расчленению, опираясь на предположение, что в дальнейшем из этих drobных частей можно будет построить более точное определение целого.

Э. Джекобсон (последовательница Х. Хартманна) применила терминологический аппарат репрезентаций к описанию раннего детского развития, определив таким образом два направления исследований: изучение динамики развития Эго и изучение структуры самости. Согласно ее предположению, ранние репрезентации Я и объекта еще неотделимы от аффекта и ассоциированы с приятным опытом удовольствия и неприятным опытом неудовлетворенности, следовательно, парциальные репрезентации «плохого» и «хорошего» Я, «плохого» и «хорошего» объекта появляются раньше целостных и интегрированных репрезентаций (Соколова, Бурлакова, Лэонтиу, 2001). Таким образом, Я изначально нет, есть «хороший объект», «плохой объект», «хорошее Я» и «плохое Я», есть их репрезентации, но Я как такового нет. Оставалось непонятным, что же это Я, которое признает целостность своей психической организации. Критерием его сформированности (Я, идентичности) Э. Джекобсон считала именно способность Я признавать всю целостность собственной психической организации (несмотря на ее возрастающую структурированность,

дифференцированность и сложность) как высокоиндивидуализированное связанное единство, которое на каждой ступени развития обладает определенной организацией и временным континуумом (Соколова, Бурлакова, Лэонтиу, 2001). Как видим, целостность в данном случае понимается Э. Джекобсон как совокупность, своего рода суммирование, но не в смысле цельности в полном смысле слова.

На связь чувства идентичности со способностью ощущать непрерывность и продолжительность своего Я указывает также Ф. Гринэкэр. Она подчеркивает, что чувство идентичности развивается в отношениях с другими людьми. Сознание собственного Я связано с чувством идентичности, изменяющимся у субъекта в зависимости от отношений с окружающими, и со «стабильным ядром» — гипотетическим собирательным центром личности (Соколова, Бурлакова, Лэонтиу, 2001). Ф. Гринэкэр также не избежала путаницы «бытия» и «мышления», которая преследовала в это же время многих психоаналитиков на уровне терминологии (например, «ядро» — это то, что есть, внутреннее; в свою очередь «гипотетический собирательный центр» применительно к идентичности — это нечто другое, и т.п.). Это также указывает на то, что сами феномены индивидуальности, идентичности, субъекта стали проблематичными.

Социолог Л.Д. Карвет отмечал в отношении онтологизации фантазий в психоанализе следующее: «Может показаться, что психоанализ (как и социальный анализ) постоянно рискует уравнивать феноменологию (или психологию) с онтологией, а описание того, как люди воображают себе происходящее, с утверждениями о том, что происходит на самом деле» (цит. по: Томе, Кехеле, 1996, с. 204–205). Действительно, З. Фрейд, вводя метод свободных ассоциаций, стал анализировать мысли и мышление пациента, в том числе и его фантазии. Но насколько

мышление, способы фантазирования пациента можно онтологизировать, тем самым превращать в сущность личности? Ведь есть еще некоторые агенты, психические инстанции, которые осуществляют процесс мышления, фантазирования и пр., но они представляя собой некоторые психические сущности, которые существуют на другом уровне. В этом отношении действительно в психоанализе происходит часто смешение субъекта и объекта мышления. С другой стороны, анализ Я как некоторой вещи — и в этом отношении овеществление психики — тоже не является выходом из положения, поскольку на этом пути только развиваются различные способы овеществления психики, которые были намечены уже самим З. Фрейдом. Еще одна причина тенденции расщепления психики в психоанализе — отсутствие адекватного языка описания и недостаточная рефлексия по этому поводу, в этом отношении психоаналитики остаются натуралистами, поскольку мало задумываются о способах получения информации, о ее качестве, а также о способах ее анализа и описания (Олешкевич, 1997).

Начиная с работ Х. Хартманна, Э. Криса, Р. Левенштейна и Д. Рапапорта, можно видеть стремление интегрировать психоанализ с академической психологией. В академической психологии проблема Я так или иначе присутствовала всегда, хотя само Я и целостное представление о нем там было также со временем разрушено. В этом смысле психоанализ пытается вобрать в себя тот материал, который наработан в академической психологии, тем более что и академическая психология, и психоанализ накопили многочисленные аналитические конструкции, расчленяющие Я. Итак, налицо, с одной стороны, попытка адаптации психоанализа к академической науке, а с другой — попытка конструктивно собрать то, что разобрано на мелкие части,

но собрать именно конструктивно-синтетически, посредством ума, а не на уровне глубинного осознания и переживания проблемы изнутри. Здесь можно увидеть уже онтологические причины функционирования самого научного познания и связанной с ними конкретной эпистемологии познания, ведущей к расщеплению феномена субъекта в психологии.

М. Кляйн, которую нередко называют матерью теорий объектных отношений, и ее последователи считают, что Эго появляется практически с рождения ребенка, а психика представляет собой совокупность восприятий и является следствием психодинамики Эго и психических объектов. В британской школе психоанализа усилия концентрировались на поиске другого языка описания наблюдаемых процессов. Представители этой школы попытались справиться с трудностями, возникающими при попытке переложить довербальные, дорациональные процессы на язык, изоморфный социальной логике. В. Фейербейрн, например, отвергал биологизм З. Фрейда, утверждая, что люди ищут не столько удовлетворения желаний, сколько установления взаимоотношений (т.е. ребенок не столько жаждет пищи, сколько сфокусирован на восприятии заботы о самом себе, чувстве теплоты и привязанности как части этого восприятия). Созвучие этим идеям можно найти и у Ш. Ференци и его последователей, которых часто относят к венгерской школе психоанализа. Их исследования раннего опыта любви, одиночества, интеграции собственного Я проблематизировали структурную теорию. В них речь шла не столько о том, какое желание не получило должного удовлетворения в детстве, или какая фаза психосексуального развития была плохо пройдена, или какие защитные реакции Эго доминируют, сколько о том, каковы были главные объекты в мире ребенка, как он их переживал, как они и их внутренние образы

и репрезентации продолжали существовать в бессознательном взрослого.

К середине XX века идеи, высказанные в теориях объектных отношений британской и венгерской школ, частично нашли отклик у американских терапевтов, называвших себя «межличностными психоаналитиками» (Г.С. Салливен, Э. Фромм, К. Хорни и др.) (Мак-Вильямс, 2004; Марцинковская, 2007). Они делали меньший акцент на стойком сохранении бессознательных образов ранних объектов и их отдельных сторон, что отличало их от европейских аналитиков. Здесь также не было достигнуто какого-либо однозначного решения вопроса о том, что такое Эго, что есть Я и как же все-таки понимать психологический субъект действия.

Общая идея дифференциации захватила и теории объектных отношений, которые по своему замыслу как раз будто бы и должны изучать генезис Я. Но результатом этих исследований стало углубление изучения защитных механизмов, констелляции защит, которые характеризуют параноидно-шизоидную и депрессивную позиции, различных видов расщепления, ранних стадий формирования Супер-Эго и т.п. Эти подходы оказались достаточно разнообразными, выполненными с разных точек зрения, что, безусловно, усложняло диалог между ними и не давало возможности для их интеграции. Концепции, опирающиеся на теорию нарциссизма З. Фрейда, тоже оказались одиночками в этом широком и разнообразном пространстве дифференцирующих концептуализаций. Они также не могли интегрировать все достижения психоанализа, наработанные в других направлениях. Так образовалось разноречивое поле психоаналитических школ и групп.

Таким образом, если во времена З. Фрейда личность рассматривалась как трехчленная конструкция, то затем она превратилась в конструкцию, состоящую

из множества частей – набора защитных механизмов, функций, внутренних объектов и их репрезентаций, тем самым продолжая путь аналитического расчленения как нормальных, так и аномальных явлений. Дробление понятия Я, личности, индивидуальности, преследующее прежде всего практические, а также и теоретические цели, постепенно привело к выхолащиванию содержания этих понятий.

Такое аналитическое членение психики отчасти осуществлял также и К.Г. Юнг (Юнг, 1995). В его взглядах Эго предстает как только один из комплексов среди множества других, это только наиболее сильный комплекс ассоциаций, хотя, конечно, в психологии К.Г. Юнга не это самое главное. Впоследствии тенденцию дробления психики будет реализовывать Э. Берн, который вычленил в психике различные Я как агенты или субъекты действия, которые затем разделяются на еще более мелкие образования и т.п. (Берн, 2008). Следующие психотерапевты (например в нейролингвистическом программировании) идут еще дальше и говорят о различных частях личности, с которыми возможно устанавливать контакт, которые можно дифференцировать, интегрировать и пр. В такой ситуации естественно возникает обратная тенденция – возвратиться к целому психики, идентифицировать личность человека как целое. Это стало не только теоретической потребностью в психологии, но и социальной, общественной потребностью. Разобщенность и одиночество людей, которые остро переживались в социуме, вызвали к жизни необходимость восстановления целостности, на этом фоне появляются идеи о цельности личности, ее тождественности (идентичности) самой себе и обществу, в котором она живет. Данную задачу и попытался решить Э. Эриксон (Куттер, 1997; Марцинковская, 2007; Эриксон, 1996а; 1996б).

Для этого Э. Эриксон включает в сферу психологического рассмотрения социум, культуру, социальные отношения. Он считает, что это тот материал, на основе которого формируется идентичность человека. Таким образом, Э. Эриксон включил в свое рассмотрение окружающий субъекта мир. Не будучи марксистом, в отличие, например, от Э. Фромма, он принимает так или иначе во внимание господствующий общественный строй, его историческое развитие и возможность его социологического исследования. Э. Эриксон писал об американских индейцах, о М. Лютере, А. Гитлере, М. Ганди и других исторических личностях, он ввел понятие кризиса и развил новый подход к анализу взаимоотношений между человеком и обществом, который получил название психоистории. Понятие идентичности, в свое время разработанное Э. Эриксоном, до настоящего времени востребовано в психологии (Эриксон, 1996а; 1996б).

Сам Э. Эриксон писал, что понятие, обозначаемое столь объемным термином, по самой своей природе подвержено историческим изменениям. Термины «идентичность» и «кризис идентичности» и в широком, и в научном употреблении описывают нечто чрезвычайно широкое, но самоочевидное, в то же время иногда они употребляются столь узко, что общий смысл термина теряется (Эриксон, 1996б, с. 24). С другой стороны, социологи в целях большей точности пытаются применять такие термины, как «кризис идентичности», «тождественность самому себе» к поддающимся измерению явлениям, которые они в данный момент исследуют. «Ради логической или экспериментальной гибкости... они пытаются толковать эти термины в связи с социальными ролями, чертами характера или представлениями людей о себе» (там же, с. 25), т.е. употребляют эти термины неразборчиво. Ситуация осложняется еще и тем, что

в последние годы некоторые медицинские термины берутся на вооружение не только врачами, но и другими специалистами. Сегодня, пишет Э. Эриксон, идентичность ассоциируется «с шумными проявлениями» и «запутанными искажениями» (там же, с. 28), в то время как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» (ощущение идентичности) имеет «дело с процессом, “локализованным” в ядре индивидуальной, но также и общественной культуры, с процессом, который в действительности устанавливает идентичность этих двух идентичностей» (там же, с. 31).

По мнению Э. Эриксона, формирование идентичности предполагает «процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности» (там же, с. 32); этот процесс находится в постоянном развитии и изменении; это процесс дифференциации (он начинается с момента первой встречи матери и ребенка и продолжается всю жизнь); в юности этот процесс обычно претерпевает кризис, который определяется предшествующими событиями и влияет на последующие; причем кризис отдельного человека неотделим от современных ему исторических кризисов, поскольку они взаимосвязаны. Попытка перенести на термины «идентичность» и «расстройство идентичности» термины «представление о себе», «образ Я», «самоуважение» и «конфликт ролей», «утрата роли» не учитывает факт развития человека (идентичность не есть «нечто статичное и неизменное»). С другой стороны, психоанализ не в состоянии целиком постичь идентичность, т.к. он не выработал терминологии, описывающей среду. В связи с этим, подчеркивает Э. Эриксон, для понимания термина «идентичность» необходимо признание и учет «исторической перспективы» (там же, с. 32–33).

Впервые идея идентичности была выдвинута Э. Эриксоном в военные годы (1940–1945 гг.) при изучении «военных неврозов». Но это был только повод, дифференцирующие тенденции развития психоанализа требовали определенной реакции синтетического характера на этот процесс, и понятие «идентичность», обозначающее «твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру», чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным Я, независимо от изменений Я и ситуации, как раз и представляет собой такую реакцию на общее состояние не только психоанализа, но и психологии в целом. Это также и ход психоанализа к объяснению психологии нормы и психологии развития. При таком подходе необходимо оценить, например, способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития. Акцент на стадиях развития обозначает также своеобразный крен психоанализа в сторону академической возрастной психологии и одновременно социологии развития (Гидденс, 2005). При таком подходе также устанавливается связка между социальными условиями, стадийностью развития и феноменом социально-психологической зрелости индивида. В этом смысле идентичность – это также и показатель зрелости личности, основания которой имплицитно содержатся в предшествующих стадиях онтогенеза. Развитие идентичности Э. Эриксон описывает как процесс последовательных идентификаций в онтогенезе в соответствующих культурных условиях, а также как постепенно развивающуюся конфигурацию этих идентификаций, которые шаг за шагом складываются через последовательные Я-синтезы. Согласно Э. Эриксону в эту конфигурацию интегрируются также конституциональная

предрасположенность индивида, особенностями его либидозных потребностей, способности, проверенные и действенные защитные механизмы, а также успешные сублимации и социальные роли (Эриксон, 1996а; 1996б).

Опираясь, с одной стороны, на традицию психоанализа, а с другой стороны, на собственное понимание влияния на развитие ребенка культурной среды, а также на введенный им в психологию эпигенетический принцип, Э. Эриксон построил схему развития человека на протяжении всей жизни. Но прежде всего он изучал социально-психологические механизмы и способы формирования психосоциальной идентичности на разных стадиях развития и социальных уровнях зрелости человека (Эриксон, 1996а). В этом отношении Э. Эриксон расширил фрейдовскую концепцию психосексуальных стадий развития, соотнеся эти стадии со спецификой влияния социальной среды и культуры и доминирующими в ней социальными нормами и идеологиями. В этом отношении зрелая личность, согласно Э. Эриксону, представляет собой продукт не только внутриспсихических, но и социальных, культурных и идеологических факторов и механизмов. На этой основе он выделил восемь стадий развития идентичности, которые представляют цикл жизни человека. Каждую из этих стадий он описал в терминах конфликтов, от разрешения которых зависит успешность дальнейшего развития индивида, поскольку решение предшествующих жизненных задач на каждой предыдущей стадии влияет на успешное прохождение последующих стадий.

Понятие Эго-идентичности, согласно Э. Эриксону, включает в себя ощущение личной самоидентичности, непрерывности своего существования во времени и пространстве, а также тот факт, что данное тождество и непрерывность признаются или будут признаны

окружающими (Эриксон, 1996б). Но это лишь общее, почти философское определение. Э. Эриксон на разных этапах своего творчества пытался его уточнить, конкретизировать. В предисловии к книге «Идентичность: юность и кризис» он пишет, что не дает окончательного определения идентичности: «Чем больше пишешь на эту тему, тем более широким и всеобъемлющим кажется содержание этого термина. Единственный путь определить его – попытаться понять, в каких контекстах без него нельзя обойтись» (Эриксон, 1996б, с. 20). Л. Фридман пишет, что задача становления идентичности занимала центральное место не только в теории, но и в жизни самого Э. Эриксона (Шульц, Шульц, 2002; Freedman, 1999).

Таким образом, психоанализ, расчленив индивидуальность на мельчайшие части, сталкивается с проблемой их собирания в целое. В этом теоретическом контексте, в частности, и возникает проблема идентичности, которая получает свое развитие в трудах Э. Эриксона. В противовес попыткам рационального анатомирования личности, возникает насущная потребность в понятиях, которые бы позволяли схватить цельность, вернули бы человеческому существованию жизненную основу, отставленную за невозможностью ее научной проверки, тем самым напитав дыханием жизни холод умозрительных конструкций.

Но процесс дифференциации психики, сознания, субъекта в психоанализе имел также социальную и культурную основу и соответствующие последствия. Одним из последствий проникновения З. Фрейда и его последователей в психическую жизнь человека, расчленения и дифференциации психических структур (подобно разборке любого технического аппарата), необходимых для понимания, оценки и последующей коррекции индивидуальной реальности, индивидуальных

защит и пр., по мнению Е. Горен, стала возможность прогнозирования и манипуляции человеком на социально-технологическом уровне. Наряду с этим возникло неизбежное упрощение изначально «непознаваемой» и многогранной (отсюда – божественной) человеческой души вплоть до констатации ее прозрачности, проявляющееся, например, в приравнивании человеческой логики к машинной (Goren, 2003). «Многое из того, что мы раньше считали латентным, сейчас открыто выражается в лозунгах, на демонстрациях и в популярных журналах» (Эриксон, 1996б, с. 36). Таким образом, расщепление субъекта действия, намеченное психоанализом, оказалось необратимым.

Э. Эриксон строит еще одну (среди множества других) концепцию в русле культуральных подходов в психоанализе. И по сравнению с теми наработками, которые к этому времени в психоанализе уже существовали, она выглядит не столь глубокой. Э. Эриксон не смог интегрировать уже существующие данные психоанализа в свою концепцию. Так что, в сущности, перед нами еще одна теория, наряду со многими другими, только теперь уже теория идентичности, с одноименным центральным объяснительным понятием.

Некоторые культурологические и социальные аспекты проблемы идентичности

В то время, когда в психологии активно начинают употреблять понятие «идентичность», в логике уже давно в полную силу разрабатывается проблема однозначности, однозначного соответствия, а также проблемы значения, денотата, объекта. Задача состоит в том, чтобы четко и непротиворечиво определить символический объект, создать такое понятие объекта, которое позволило бы в полной мере операционализировать его содержание, а также открыть и разработать ранее скрытые его стороны. Это дает возможность

полноценной работы с символическим объектом, рождает поле для конструирования и управления. Таким образом, проблема идентичности ($A = B$) актуальна и для более широкой области знания, и не только гуманитарного (Бирюков, 1985).

Сведение многообразия мира к четким понятиям и операциям проникнуто духом управления и контроля, приобретения все большей власти над миром. В этом смысле не случайно подчеркивание стабильности, устойчивости, предсказуемости, характерное в определении понятия «идентичность» в психологии. Подобные акценты характерны прежде всего для общекультурной ситуации в Америке, где человек предстает прежде всего как «человек управляемый», «человек последовательный». Как уже говорилось, одним из последствий психоаналитического проникновения в психическую жизнь человека, ее расчленения и дифференциации, необходимых для понимания и коррекции индивидуальной реальности, стала возможность прогнозирования и манипуляции человеком на социально-технологическом уровне. В связи с этим появилось неизбежное упрощение многогранной человеческой души вплоть до ее прозрачности. В этой ситуации появляется соблазн приравнять человеческую логику к машинной, чтобы облегчить контроль над людьми.

Проблема контроля тесно связана с определением и поддержанием стабильной идентичности. В большинстве своем указание на автономную и определенную личность достигается за счет внешних маркеров индивидуальности (занятия, профессия, отпечатки пальцев, личный номер, номер банковского счета и т.п.), позволяющих четко идентифицировать субъекта. В обществе, где личностное своеобразие определяется столь внешним образом, проблема идентичности вспыхивает с новой силой. В идеологическом плане это осмысливается в виде

требования возвращения человеческого начала тем, кто, кажется, потерял его. И в этом смысле — это способ досоздать или специально создать ту личностную идентичность, которая для современного человека «без свойств» оказалась утерянной. Отсюда вытекают и столь популярные в гуманистической психологии идеи самоосуществления, самореализации, самоактуализации, наряду с этим говорят также о задаче делания себя, а также с новой силой встает проблема личностного выбора.

Таким образом, проблема идентичности несет в себе крайне противоречивое проблемное поле. Идентичность легко определима внешним образом, в то время как изнутри ответить на вопрос о том, кто есть Я, становится все сложнее. Э. Эриксон, ставя проблему идентичности как будто бы изнутри, пытается достроить или дать средства для построения некоего органа, нехватка которого ощущается все обостреннее.

Как считает известный российский социолог Л. Гудков, методологический (теоретико-инструментальный) смысл понятия идентичности состоит в том, что «эта конструкция позволяет удерживать единство действующего лица в ситуациях различных институциональных или культурных разрывов, значимости многих нормативных предписаний или правил, мотивов действия, часто противоречащих один другому, но возникающих или актуализирующихся в ходе взаимодействия с разными партнерами» (Гудков, 2004, с. 269). Само понятие идентичности, возникнув в психоанализе, по его мнению, явилось «метафорическим перенесением некоторых процедур опознания или отождествления, появившихся в практике уголовного расследования, на психологические ситуации при диагностике невротозов, когда стало необходимо определить соотношение мотивов “сознания” и “бессознательного”, вызванных

ими разрывов, раздвоения личности, работы защитных механизмов, таких, как вытеснение, смещение или рационализация неприемлемых желаний либо других травматических обстоятельств и факторов» (Гудков, 2004, с. 265). В своей статье «К проблеме негативной идентификации» Л. Гудков дает следующее определение идентичности: «...идентичность — это такая конфигурация значимых представлений действующего о себе и других, которая опосредует институциональный, групповой и индивидуальный уровни действия, удерживая определенность (тождественность) социальной личности в разнородном контексте противоречивых или альтернативных мотивов, интересов, интенций, желаний или социальных требований. Идентичность связывает институциональный план действия (т.е. не просто код общепринятого поведения, а его закрепленность в праве и, стало быть, потенциально обязательный, обладающий принудительностью характер действия) и плоскость индивидуального существования и поведения, но эта связь лишена прямой и линейной детерминации» (Гудков, 2004, с. 271).

Как видим из вышесказанного, социологи имеют свою достаточно обоснованную точку зрения на проблему идентичности и функцию одноименного понятия. Действительно, Э. Эриксон вводит свои понятия идентичности, кризиса идентичности и т.п., реагируя на кризисные явления в культуре. Но и на уровне собственной личности и своей личной истории он тоже является носителем затяжного кризиса европейской культуры. В этом смысле понятие идентичности для Э. Эриксона приобретает особую личностную значимость, оно выполняет в его личностной организации важную психотехническую функцию и в некотором роде является системообразующим даже в построении карьеры. Но по своей конструкции и по содержанию это понятие

у Э. Эриксона все же является преимущественно социальным и социально-психологическим. Оно образуется в процессе ориентации индивида на внешнее социальное окружение, через идентификацию с социальными образцами, в рамках определенной культурной идеологии, наконец, оно ориентировано на выполнение определенных социальных функций в культуре.

Понятие идентичности отвечает на социальные запросы общества, непосредственной публики (в числе которой много студентов), окружающей Эриксона — преподавателя и лектора и т.п. Понятие идентичности важно и для Э. Эриксона — иммигранта, которому необходимо выжить в новой для себя культурной ситуации, а для этого необходимо выстроить новую идентичность. В этом также проявляется социально-психологическая природа данного понятия. Другими словами, речь идет не о значении глубокого и исчерпывающего самопознания или самоосознания, но все-таки больше о процессах конструирования и формирования. Эти особенности концепции Э. Эриксона и ее связь с психологией иммигранта хорошо видны при сравнении этой теории, например, с психологией К.Г. Юнга или с психологией К. Роджерса. К. Роджерс как будто пытается решить ту же задачу, которую ставит и Э. Эриксон, но решает ее совершенно по-иному. В размышлениях основателя клиент-центрированной психотерапии со всей очевидностью заметна психология американца, протестанта, который сталкивается с иными проблемами и решает их не в процессе движения от социума и культуры к индивиду, изучая формирующие факторы внешней среды, но двигаясь вглубь индивида, внутри которого он находит негативные и подавляющие его индивидуальность влияния американской протестантской культуры.

Идентичность и аутентичность

Если психоанализ возникает в католической Вене, в еврейской национальной среде как реакция сложной и многогранной эмансипации, то гуманистическая психология возникает в протестантской Америке. Она тоже развивается как реакция эмансипации против протестантского образа жизни и его ценностей. К. Роджерс был воспитан в протестантской культуре, он достаточно рафинированно впитал ее ценности. Но эти ценности к 1950–60-м гг. перестали быть тем двигателем американского общества, какими они были ранее. К. Роджерс, отделившийся в юные годы от семьи, смог изнутри прочувствовать это. Одним из условий формирования протестантской психотехнической культуры стала психотехника подкрепления труда, из которой в дальнейшем вырастает бихевиоральная психология (Вебер, 1990; Олешкевич, 2002). К. Роджерс яростно противостоит принципам бихевиоральной психологии, ведь питающая ее протестантская психотехника являлась когда-то внутренним негативным фактором его личного развития.

В сознании К. Роджерса имеет место противостояние протестантским ценностям. На протяжении долгого времени в протестантской культуре личность формировалась за счет целенаправленного поощрения одних ее качеств и столь же целенаправленного подавления других, а также создания представлений об идеальных и особо ценных качествах личности и культивирования в человеке идей достижения и прогресса. Благодаря этим культурно-историческим процессам в психике человека возникает достаточно рационализированная структура идеального Я, которое в 1950-е гг. начинает ощущаться как препятствие для личностного развития индивида. Застывшая, мертвая структура идеального Я становится преградой для глубокого понимания себя и своего

окружения, тем идолом, который уводит человека от глубокого контакта с собой и своим внутренним опытом. С этим сталкивается К. Роджерс, обнаруживая конфликт между Я-реальным и Я-идеальным у себя самого и своих пациентов.

И хотя К. Роджерс прямо не пишет о связи протестантизма с бихевиоральной психологией, но в его протесте против несвободы и насилия над личностью эта связь так или иначе просвечивается, и здесь коренится исток провозглашенного им движения к аутентичности. К. Роджерс столь же неприязненно относился и к психоанализу. В некотором смысле К. Роджерс улавливает сходство в столь противоположных психологических направлениях, как бихевиоризм и психоанализ. И это сходство определяется не только их биологической ориентацией, точнее – исходными биологическими положениями о природе человека (реакции и инстинкты). В сущности, также и методы и той, и другой концепции опираются на ассоциативную теорию: в бихевиоризме – это сцепление различных стимулов и реакций на основе ассоциативных законов, а в психоанализе – процедура осознания, опирающаяся на цепочки свободных ассоциаций (Олешкевич, 2002). В первом случае из частей собирается целое (личина, маска, личность), во втором случае – через анализ мыслей и переживаний понимается структура человеческого существования и развития. И в одном, и в другом случае движение начинается от частей, из них специфически возникают, формируются определенные новообразования: в одном случае за счет внешнего подкрепления, в другом – за счет организации процессов осознания и его специфических интерпретаций.

К. Роджерс интуитивно восстает против такой формирующей, манипулятивной психологии. В противоположность научному подходу к человеку

он возвращает психологии, а также и самому человеку их аутентичность, живое самоощущение, доверие к себе и своим чувствам, и вводит своих пациентов в непосредственное переживание своей жизни, ответственности за нее, за свою болезнь и свою смерть. И это со времен К. Роджерса становится глубинным и неиссякаемым источником психологического знания и понимания. К. Роджерс один из первых в психологии пошел на риск непосредственного контакта с живым опытом человека.

Итак, у К. Роджерса, в отличие от Э. Эриксона, главенствующей идеей является идея аутентичности, а затем организма, который он противопоставлял Я-концепции. Я-концепция, по мнению Роджерса, склонна давать искаженную картину аутентичной природы человека. Неконгруэнтность между Я и организмом, т.е. между рационализированными переживаниями, которые испытывает Я, и переживанием всего организма в целом, приводят к дезадаптации, неполному функционированию, ригидности и исчезновению чувства жизненности (Роджерс, 1994). Проблема в данном случае предполагает глубинный экзистенциальный аспект, где недостаточность рационализированных определений идентичности очевидна. Для Роджерса проблема не в том, чтобы выявить, установить идентичность, или сделать кого-то более идентичным, а в большей спонтанности, естественности в принятии чувств и организменных переживаний, которые человек испытывает. В определенном смысле путь, по которому можно приблизиться к себе, к раскрытию своей человеческой сущности, будет требовать отдаления от стабильной и постоянной идентичности, возможно, даже борьбы с нею. В этом смысле идея личностного роста является не движением в сторону социальной идентичности, а возможным удалением от нее, выходом за пределы Я, Эго. В близком направлении

мыслится и движение к себе у К.Г. Юнга (Роджерс, 1994; Юнг, 1992; 1995).

Культурно-исторические условия появления феномена и разработки понятия «идентичность»

Итак, почему же проблема идентичности возникает после 50-х гг. XX века? До сих пор такой проблемы, казалось бы, не было. Человек легко идентифицировал себя со своей нацией, со своим классом, с половой принадлежностью. Озабоченность идентичностью появляется в особой культурно-исторической ситуации, когда человек теряется в противоречивых идентификациях. Теперь индивид не может четко идентифицировать себя с определенной социальной группой, потому что границы этих групп размываются, он не может идентифицировать себя с определенной нацией, потому что национальные границы тоже поставлены под сомнение, наконец, он не может себя до конца идентифицировать с мужской или женской гендерной ролью, которые тоже постепенно начинают терять свою определенность. Происходит смешение ролей, социальных, культурных и гендерных. И в этой ситуации возникает проблема идентичности. Человек впервые в европейской истории пытается понять, кто он, обращаясь к понятию идентичности: возникает проблема идентификации себя в определенных социальных терминах. В этом смысле проблема идентичности — это социально сконструированная проблема, проблема, созданная социальной ситуацией, которая производит индивида без надлежащей идентичности. Поэтому собственную (-ые) идентичность (-и) человек обязан приобретать, конструировать и таким образом создавать определенные психотехнические механизмы для ее (их) приобретения и укрепления.

Идея осознания, познания и конструирования идентичности соответствует идее потере идентичности, ее утраты.

Именно утраченная идентичность производит последующую идеологию создания идентичности и механизмов ее производства. Эта социальная ситуация, возникшая именно в первую половину XX века, порождающая конфликт и противоречие в идентификациях людей, вызывает экзистенциальный кризис, в основе которого лежит переживание потери и последующего поиска самоидентичности. Человек остается в одиночестве среди противостоящих ему множественных социальных ролей, социальных позиций, с которыми он не может идентифицироваться, но которым он также не может себя противопоставить. Помимо этого, не стоит забывать, что к указанному времени социальные идентификации оказываются достаточно формализованными, и отождествиться с ними становится проблемой. В связи с чем в европейской культуре становятся актуальными осознание социальных формализмов и задачи производства собственной идентичности, т.е., можно сказать, что создаются некие психотехники формирования самоидентичности. То, что раньше было естественным образованием (человек рождался и проходил жизненный путь как дворянин, крестьянин и т.п.), теперь требует самостоятельного производства, творческого продуцирования, и, в этом смысле от человека требуется ни больше, ни меньше, как создание своей личности.

Таким образом, чтобы понять проблему идентичности, важно понять, в какой исторический момент она возникла, какая культурно-историческая ситуация ее производит и каким образом она в этой ситуации осознается. В этом смысле важно рефлексировать эту проблему также и культурологически, а также понять «идентичность», «размытую идентичность», «фальшивую и истинную идентичности» («хамелеонообразную», «диффузную») и другие образные определения идентичностей, которыми

изобилует психология второй половины XX века в рамках социальной и познавательной позиций, внутри которых данные понятия возникли. Ведь когда мы задаемся вопросом об идентичности и самоидентичности, то это неявный посыл к тому, что их ощущение стало проблемой. Если раньше межнациональных браков практически не было, они не допускались и не принимались общественностью, теперь это становится массовым явлением, и источниками этого стали нарастающая миграция, женская эмансипация, движение за права национальных меньшинств и т.п. (Олешкевич, 1997; 2002; 2007а).

Это вплотную коснулось Э. Эриксона, мучительно решавшего вопрос о своей национальной принадлежности. Эриксон не может определиться, кто он – немец, еврей, датчанин? Голубоглазый и белокурый, он разительно отличается от своей матери и отчима, и поэтому не может причислить себя к евреям, но немцы также не принимают его, равно как и датчане, и поэтому он остается в экзистенциальном вакууме, вынужденный долгое время находиться в ситуации непонимания того, кто он есть (Freedman, 1999). Он не датчанин, он не еврей, он не немец, и он вынужден искать свою собственную идентичность, идентичность, которая не дана по рождению, а которую человек должен приобрести. Его жизненная задача состоит именно в этом, и в том числе ради этого Эриксон создает психологическую теорию идентичности, направленную на то, чтобы разрешить обостренную личную проблему. Именно так, на материале анализа личной истории создателя этой теории и важно понять проблему идентичности. Хотя бы потому, что многие этапы развития и осмысления этой проблемы в современной клинической психологии связаны с фигурой Э. Эриксона (Кернберг, 2005; Лэонтиу, 1999; Соколова, Бурлакова, Лэонтиу, 2001) и имеют

большее или меньшее отражение в его личной истории.

Всякую проблему важно понять в контексте теоретико-познавательной оппозиции, внутри которой она возникла. Проблема идентичности возникает в той ситуации, когда человек теряет свою идентичность, когда он, в силу ряда культурно-исторических ситуаций развития, оказывается потеряннным, отчужденным от каких-либо устойчивых культурных форм самоидентификации, существующих в его время. Эта проблема является следствием освобождения европейского человека, следствием его свободного морального сознания, за которое приходится рассчитывать. Мать Э. Эриксона, судя по биографическим данным, была достаточно свободной женщиной для своего времени. Теперь женщина может позволить себе «родить ребенка для себя» (А. Адлер). Но за эту свободу пришлось платить не только ей, но и ее детям. Так случилось и с Э. Эриксоном, создавшим свою теорию идентичности и преодоления ее кризисов, теорию индивидуально-го развития, где центральной темой является достижение идентичности.

Определение идентичности Э. Эриксоном

В связи с этим рассмотрим кратко определение идентичности, которое вводит Э. Эриксон (как носитель определенного культурного опыта). Он пишет, что феномен идентичности индивида можно обосновать, основываясь на двух одновременных наблюдениях: «на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве» и опираясь на осознание того факта, что «...твое тождество и непрерывность признаются окружающими» (Эриксон, 1996б, с. 58–59).

Что касается *аспекта тождественности*, акцентируемого Э. Эриксоном, то он во многом отсылает к абстрактному

понятию немецкой классической философии. Для Э. Эриксона же само понятие тождественности содержит в себе также защитное утверждение постоянства Я («Я = Я»). Но что касается опыта человека XX века, то он теперь «никогда не тождественен самому себе» (Бахтин, 1979).

Нечто подобное можно сказать и по отношению к аспекту *непрерывности существования*. По всем фронтам научного познания сегодня идея непрерывности подвергается сомнению. В психологии идея непрерывности связана с идеей линейно разворачивающейся жизни, с измерением времени (пример: часы, отмеряющие время и выстраивающие временную перспективу). На самом же деле существование скорее прерывно, чем непрерывно. Например, Р. Декарт говорит, что человек должен постоянно воспроизводить себя, так же как Бог должен постоянно создавать мир (Декарт, 1994).

Непрерывность же во многом является иллюзией, которую человек создает для себя и которая представляет собой личностно и культурно-обоснованное защитное образование. За идеей непрерывности у Э. Эриксона стояла идея рационально выстраиваемой шаг за шагом и социологически обоснованной линии собственной жизни, которая в значительной мере определяет некоторые стадии карьерного роста. Это подтверждается тем, какое большое значение Эриксон отводит *мнению окружающих и их признанию тождества и непрерывности субъекта*. Такого рода утверждение является прямым отражением важного личностного опыта Э. Эриксона (вспомним яркий факт биографии, врезавшийся в его память: смуглая еврейская женщина идет с белокурым светлокочим голубоглазым сыном, что вызывает неодобрение, отвержение со стороны окружающих (Freedman, 1999)).

В отличие от других психологов (К.Г. Юнга, К. Роджерса и др.), ориентированных на поиск идентичности внутри

себя, Э. Эриксон акцентирует момент признания окружения, признания, которое и создает чувство идентичности. Таким образом, Э. Эриксон выстраивает свою идентичность рационально и опирается на необходимость строить ее так, чтобы она была признана другими. В плане личного развития он, наконец, признает факт своего усыновления и выстраивает свою идентичность с опорой, в том числе и на личность своего отца. Те ценности, против которых Э. Эриксон бунтовал в юности (профессия врача, прагматизм, служение детям), впоследствии становятся ведущими для него. Но в конечном счете он не ищет идентичность внутри себя – он пытается найти ее вовне, в американской культуре, и именно извне она и конструируется, а затем и присваивается Э. Эриксоном.

В этом смысле Э. Эриксон частично обслуживает американскую технологическую культуру, которая стремится «вычислить» и идентифицировать человека, чтобы организовать эффективное управление человеческими ресурсами. Таким образом, мы видим, что «научное понятие» идентичности конституируется личной историей Э. Эриксона, но вместе с тем, так же, как и в личной истории З. Фрейда и др. (Лоренцер, 1996; Олешкевич, 1997; Фромм, 1996), эти проблемы являются не только личными, но отражают достаточно массовые процессы в современной этим авторам культурной ситуации. В таком же духе Э. Эриксон описывает великие исторические личности, сумевшие отразить дух времени. Также его концепция вобрала наиболее существенные переживания его современников, обусловленные совершившимся переходным этапом в тот период истории.

Будущее феномена идентичности Э. Эриксон видел в настоящей поляризации идентичностей, специализированно-технологической и универсалистско-гуманистической. Он считал, что новое

поколение, вырастающее в атмосфере научно-технического прогресса, ежедневно сталкиваясь с новыми практическими возможностями, будет подготовлено к новому образу мыслей, что поможет создать связующее звено между новой культурой и новыми формами общественного устройства, позволяя сочетать специализацию с новой внутренней свободой. Неогуманистическая молодежь в это время приспособится к машинному веку, к которому она в силу своего образа жизни уже полностью принадлежит. Таким образом, каждая группа найдет в другой ту степень уязвимости или стойкости, которую она способна активизировать. Сотрется резкость противостояния технологической и неогуманистической идентичностей.

Э. Эриксон пишет, что «сопротивление бездумной автоматизации идет в этом случае рука об руку с неприятием жесткой регламентации жизни и армейского духа, а также с тонким осознанием экзистенциальной неповторимости каждого, кто может оказаться в радиусе досягаемости ружья. Этот и технократический взгляды всегда противоположны, поскольку даже частичное принятие одного из них ведет за собой изменение всей системы представлений» (Эриксон, 1996б, с. 44).

Изменится сам процесс смены поколений, точнее, «функции поколений несколько иначе распределятся между важнейшими этапами становления идентичности» (там же, с. 47). Разделение на старшее поколение (родителей) и молодое (еще не ставшее родителями), согласно Э. Эриксону, устарело. Благодаря быстрому развитию технологии, старение совершенно по-разному будет проходить для тех, «кто не соответствует более современным профессиональным требованиям, и для тех, кто на что-то еще способен» (там же, с. 47). Не слишком молодые и не слишком старые специалисты займут положение «главных арбитров на ограниченный период профессионального роста

каждой из этих групп. Их влияние в значительной мере заменит традиционное родительское» (там же). Это в свою очередь означает, что «молодое поколение» будет более четко разделено на старшее и младшее молодое поколение.

«Таким образом, относительный отход от дел родителей и появление молодых взрослых специалистов — постоянно сменяющейся авторитетной силы — приведет к тому, что старшая молодежь должна будет брать на себя все большую ответственность за младших молодых, а также и ответственность за ориентацию специалистов и старшей молодежи» (там же, с. 48), что возможно только при развитии у старшей молодежи «этической способности» (истинного критерия идентичности). «...В условиях большей продолжительности жизни, новых половых ролей на всех ее этапах, когда возможность выбора идентичности станет общепризнанной ценностью и в принципе будет гарантирована любому ребенку и везде, этика будущего будет озабочена не столько взаимоотношениями поколений, сколько взаимодействием индивидов» (там же, с. 48). В силу того, что регулирования устоявшейся традицией уже не будет, общество создаст иной регулятор, который сможет возникнуть лишь на основе «обновленной этики, в состав ценностей которой войдет витальный момент в процессе постоянного изменения» (там же, с. 48).

Видно, что Э. Эриксон рассуждает здесь преимущественно индивидуалистически и социологически, пытается понять, что будет с обществом, в котором он живет и которое формирует его пациентов. Он как будто возлагает значительные надежды на прогресс общества в организации нового развития человека. Но он также держится за индивидуализм, который понимается им в смысле свободы выбора идентичности. Но здесь Эриксон далек от психологии,

от непосредственного понимания тех психологических проблем, с которыми сталкивается человек в этом обществе, от понимания души современного человека. Для уяснения этого достаточно сравнить то, что пишет Э. Эриксон, с работами К.Г. Юнга, написанными примерно в это же время (Юнг, 1992). Как в жизни, так и в своей теории Э. Эриксон ищет опору вовне, в социуме, в изменениях общества, в конструировании своей жизни под определенные общественные устои, но никак не внутри себя, индивидуальность так и остается для него некоторой абстракцией. Его психология в этом отношении похожа на советскую психологию, где также понимание и исследование идут извне внутрь (Олешкевич, 2002; 2007а; 2007б).

Проблема идентичности в психологии и возможности культурно-исторического подхода к ее решению

В настоящее время проблема идентичности является одной из фундаментальных, привлекающих пристальное внимание со стороны исследователей разных областей психологического знания, а также смежных профессий. Массовый характер, который приобрело данное понятие, свидетельствует, с одной стороны, о его актуальности, значимости, востребованности соответствующих содержания, а с другой стороны, приводит к тому, что оно, по словам специалистов, становится «размытым», «как бы понятием», «всем и ничем», «спутанным», «диффузным». Зачастую исследователи забывают условия возникновения этого понятия, его функции, постепенно оно все больше обрастает множеством теоретических спекуляций, что приводит к ситуации, когда каждый говорит о своем, используя одно и то же слово. Именно поэтому для уточнения его исходного смысла кажется важным возвратиться к тем историческим и культурным условиям, которые служили контекстом зарождения этого понятия.

За счет деконструкции понятия идентичности, осознания его сущности и контекста его возникновения важно увидеть все грани социокультурных источников, которые его конструируют.

Всякая идея как культурно-историческое образование имеет свою социальную и культурную историю и выполняет определенные культурно-исторические функции. Эти функции определяют условия истинности этой идеи. Интересным и важным с нашей точки зрения является тот факт, что многие фундаментальные положения современной психологии возникают на базе клинической психологии, а затем распространяются на другие области человеческой культуры. С другой стороны, именно кризисные явления в истории культуры создают определенный фон, который клиническая психология подхватывает для становления новых представлений о человеке и его личности (Кадыров, 2000; Олешкевич, 1997; 2002). Например, психоанализ, появившийся в кризисной ситуации культуры и рефлектирующий ее, первоначально возникает как вид психотерапевтического лечения, но скоро выходит за границы клинической области, постепенно проникая во многие области знания, фундаментальным образом влияя на все гуманитарное мышление. Таким образом, некоторый опыт переживания кризиса культуры становится средством интерпретации культуры в целом и человека в ней. Но с другой стороны, в клиническую психологию приходит понимание историчности клинического мышления, его укорененности в конкретную культурно-историческую проблемную ситуацию, с которой оно работает (Фромм, 2009; Фуко, 1997 и др.).

Наряду с этим приходит понимание и исторической обусловленности самих психических расстройств (З. Фрейд, К. Хорни и др.). Культура порождает не только структуру психических заболеваний, но и способы их описания, а также

методы их лечения. Отсюда следует задача культурно-исторического исследования основных идей и понятий, существующих в современной клинической психологии и психотерапии, что предполагает исследование условий их порождения, проблемных ситуаций, в которых они возникают, и таким образом, исследование условий их истинности.

Каждое понятие в психологии имеет также и психотехническую функцию. Опираясь психологическими понятиями, мы оперируем также некоторой психотехникой, которая производит и воспроизводит наше сознание (Пузырей, 2005; Олешкевич, 2002). Не исключение и психологические понятия «идентичность» и «кризис идентичности» (Э. Эриксон). Данные понятия есть следствия теоретических проблем, которые накопились в психоанализе, следствия разрушения в психоанализе феномена индивидуальности и одновременно средство специфической рефлексии личной истории самого Э. Эриксона и ситуации в культуре. Эриксон был одним из первых, кто ввел проблемы идентичности, кризисов идентичности и подобные в научный обиход. Поэтому важно уделить пристальное внимание исторической обусловленности этих клинических понятий и идей.

Таким образом, задача состоит не в изучении психологической концепции идентичности как таковой, но в изучении ее в контексте индивидуальной и культурной истории ее создателя, что позволяет определить условия возможности понятия «идентичность», его границы и определенный исторический смысл. В реализации этой задачи мы опирались на традицию социологического и культурологического анализа психологии, в особенности психоанализа, представленную в работах Э. Фромма, А. Лоренцера, Г.Ф. Эллиенбергера, М. Фуко, на феноменологическую традицию исследования знания, а также

на методологию социологии знания, в том числе и на собственный опыт социологического исследования психологического знания (Бергер, Лукман, 1995; Кучинский, 2007; Олешкевич, 1997; 2002; 2007а; 2007б; Парадигмы..., 2007; Улановский, 2007; Эллиенбергер, 2004).

Заключение. Проблема субъекта в современной психологии и пути ее решения

Подводя некоторые предварительные итоги, можно сказать следующее. Если понимать идентичность в широком смысле как самоосознание индивида и в соответствии с ним различные способы его самоопределения, то в современной психологии можно выделить два принципиально различных направления исследований.

Первое направление связано с организацией самоосознания (человек в поисках себя) и существовало уже у З. Фрейда. Основную задачу психоанализа он видел в осознании бессознательного, там, где было Оно, должно стать Я. С этой точки зрения, именно процессы осознания расширяют и углубляют представления индивида о себе, открывают более широкие возможности выбора и т.п. Такого же рода направление исследований можно найти также у А. Адлера, который писал об осознании индивидом собственных неполноценностей и об организации процессов их компенсации в рамках социально значимых деятельностей (Олешкевич, 2009). С этой точки зрения для каждого человека важно найти определенное место в обществе, где его неполноценность не травмирует индивида, где он может компенсировать ее с пользой для общества. Но основой этого является определенное самоосознание – для того чтобы процессы компенсации не развивались по невротическому пути. Так на основе самоосознания может формироваться здоровая идентичность человека.

Если З. Фрейд говорил о том, что где было Ид, там будет Эго, полагая, что психоанализ это средство, которое даст возможность Эго достичь победы над Ид, то К.Г. Юнг считал, что самость (и в этом смысле идентичность) человека следует искать за пределами Эго. Нельзя, согласно Юнгу, идентифицировать целого человека с его Эго (как мы видели, именно это и делает Э. Эриксон), Эго – лишь маска человека, его внешний фасад, настоящая самость должна быть еще открыта в процессе индивидуации. Это может произойти только тогда, когда человек способен в процессе своего самоосознания выйти за границы Эго и вступить в контакт с более глубокими структурами собственного бессознательного. Юнг считал, что в связи с кризисом религии те проблемы человека, которые раньше решала церковь, ушли в бессознательное и превратились в проблемы бессознательного и нашей способности его осознания. Подобный ход мысли мы встречаем и у К. Роджерса. Это тоже движение внутрь, движение к себе, к открытию собственной аутентичности, самости, глубинных потребностей человека, и только потом их актуализация. Во всех этих подходах в целом присутствует движение внутрь себя, процесс самоосознания, выходящий за пределы Эго. В этом направлении исследований Эго не является ни центром, ни ориентиром в процессах поиска своей индивидуальности.

Исток другого направления исследований также можно идентифицировать с психоанализом, в частности с его ориентацией на «научность», на построение психологических теорий развития ребенка, и, наконец, с тем, что центральной фигурой как психоаналитической практики, так и психоаналитической теории становится Эго. Психоанализ стремился «вывести» человека из его детства, опираясь на определенные, открытые им предпосылки. Задача состояла в том, чтобы

понять трансформации инстинктов, которые шаг за шагом превращаются в человеческую личность. Затем то же самое стало относиться к исследованию объектных отношений, нарциссизма, развития Эго, защитных механизмов и т.п. В любом случае психику стремились понять как следствие интеракций ребенка и его окружения, хотя в разных теориях акцент мог ставиться в большей степени либо на ребенке, либо на его окружении. Так появилось достаточно широкое многообразие психоаналитических теорий развития, на которые затем психоаналитики опирались в своей практической работе, где, в том числе, они подтверждали или дальше уточняли соответствующие концепции. В этом смысле ребенок рассматривался как *tabula rasa*, на которую культура наносит свои письмена. Некоторым образом человек в психоанализе представляет собой пассивного реципиента воздействия своего окружения, а его идентичность формируется как следствие такого рода взаимодействия. Так что нет смысла искать внутри то, чего сначала не было вовне. В этом отношении психоанализ мало чем отличается от бихевиоризма и от советской психологии. Здесь идентичность – это совокупность тех содержаний, которые восприняты индивидом извне. И большее, что с ними может сделать индивид, – это строить по отношению к ним различные защитные операции, конфигурировать элементы и т.п.

Наконец, психоанализ с самого начала строится на предположении человеческого эгоизма, – это основной объяснительный принцип психоанализа. Основная ценностная ориентация психоаналитической терапии состоит в том, чтобы освободить Эго от груза бессознательного, научить его осознавать бессознательное, защищаться от него или сублимировать. И все это делают для того, чтобы освободить человеческий эгоизм, сделать его свободным эгоизмом и таким

образом создать условия, чтобы человеческое Эго само было способно принимать решения. Когда З. Фрейда упрекали в этом, он отвечал примерно так: более аморальным является как раз Эго, которое не осознает себя, осознание не может сделать человека хуже, но только лучше. И в целом это было бы так, если бы в психоанализе речь действительно шла только о самоосознании, а не о переинтерпретации или переобозначении проблем пациентов. Но в любом случае содержательная и ценностная пустота психоаналитического Эго скоро становится очевидной и проблемной. В сущности, с этой проблемой и сталкивается Э. Эриксон. Он ее решает за счет введения понятия Эго-идентичности, которое в значительной мере противоречит исходным идеям психоанализа, где Эго часто мыслится как свободное от определенности, поскольку оно здесь является субъектом самоосознания, а любое определение Эго, любая его объективация или идентификация автоматически снижает способность осознания бессознательного. В этом отношении Э. Эриксон ставит своеобразный крест на классическом психоанализе и превращает его в социальную психологию, а в определенном роде даже в идеологию, поскольку своей теорией он отвечает на социальные запросы американского общества, в чем-то даже обслуживает соответствующую идеологию.

Таким образом, первое направление ориентировано на поиск идентичности за пределами всего налично данного, а второе – ориентируется на изучение конструирования идентичности индивидом и обществом, в котором происходит развитие индивида.

Эти два направления понимания и исследования идентичности человека, вероятно, существовали всегда. Они существуют и в современной психологии. И одно, и другое имеют свое социальное и психологическое значение. Но тогда

возникает вопрос: что же является субъектом психологического действия, что движет нами, когда мы действуем, думаем, говорим, что является субъектом конкретного акта индивида? На этот вопрос следует ответить так: реальным субъектом действия человека в действительности могут быть достаточно различные психические инстанции или уровни самосознания индивида.

Агентом действия, например, может быть Эго, может быть комплекс, отщепленный от Эго, может быть защитное образование Эго, может быть то, что психоаналитики называют Супер-Эго, но агентом действия, хотя это не столь часто встречается, может быть также и самость человека. Если мы соглашаемся с такой постановкой проблемы, то отсюда следует необходимость значительной перестройки в организации психологических исследований. В таком случае мы должны ориентироваться, кому в человеке мы задаем вопрос и кто нам отвечает, а при понимании человека мы должны задаваться вопросом, кто же в данный момент говорит.

И этим субъектом может быть прежде всего самосознание, которое является следствием идентификации сознания с определенным символом или образцом, а также последующей большей или меньшей деятельностной проработки этой идентификации, вплоть до автоматизации этой деятельности. Но мы всегда должны понимать, что в основе этого автоматизма лежит определенное самосознание (Олешкевич, 2002). В этом отношении субъектом действия может быть только самосознание. Различные самосознания в психике индивида могут более или менее контактировать друг с другом, вступать во внутридиалогические отношения, образовывать компромиссные структуры самосознания и инициировать соответствующие действия. Исследуя внутренние основания и причины таких действий, важно суметь

реконструировать эти сложные образования самосознания. Таким образом, от психодинамической точки зрения, которая оперирует понятиями «силы», можно перейти к более продуктивной и методологически обоснованной онтологии самосознания. В этом случае, анализируя источники действия (мысли, аффекта и т.п., т.е. любого акта или реакции), необходимо искать не просто вклад Оно, Эго и Супер-Эго в это действие, а те сложные внутренние диалоги самосознания (или самосознаний), которые действительно инициируют соответствующие действия.

В целом ситуацию субъекта в современной психологии можно описать следующим образом. Прежде всего важно отметить, что в академической психологии сама проблема субъекта осознается слабо, в силу того что психологи недостаточно рефлектируют свою исследовательскую деятельность.

Здесь имеют место следующие обстоятельства. Исследователь выбирает из определенной группы методик, направленных, как ему кажется, на исследование субъекта (Я, защитных механизмов и т.п.) методическое средство, использует его, получает результаты и онтологизирует их, забывая, что они получены при помощи соответствующей методики. Рефлексируя соотносить продукт исследования с методами его получения и соответствующим образом его описать в академической психологии удается достаточно редко.

Таким образом, складываются условия, когда появляется много представлений о субъекте, которые часто оказываются разноречивыми, разноуровневыми и т.п. При соотношении этих представлений на онтологическом уровне появляется еще более пестрая картина, а когда на основе анализа этих представлений начинают строить модели субъекта, то формируются рационализированные формы психологической онтологии,

очень далеко отстоящие от непосредственной психической реальности.

Проблема субъекта в академической психологии затемняется также массивами выборок, которые уравнивают различные типы ответов, их уровни и психологическую структуру, и формируют некоторые среднестатистические представления о субъекте, которые могут иметь какое-то значение в социологии, но в психологии чаще всего лишь закрывают и затемняют саму проблему.

И наконец, большинство объективных психологических исследований ухватывают только объективированную в социуме и культуре часть субъекта. Но поскольку в современной культурной ситуации человек идентифицирует себя в очень широких и разнообразных культурных диапазонах, и благодаря этому его объективированная идентичность размывается или рассеивается в соответствии с многообразием образцов для идентификации в культуре, то такого рода объективные исследования оказываются часто достаточно неопределенными.

Не случайно в клинической психологии и психологии, ориентированной на психотерапию, отказались от понятия субъекта как чего-то цельного и монологичного. И это, конечно, связано не просто с психологическим содержанием клиники. Дело в том, что культурно-историческая ситуация развития индивида в XX веке кардинальным образом изменилась. Человек претерпевает в современной культуре широкое многообразие идентификаций, интегрировать которые ему удастся с большим трудом, если удастся вообще. В связи с этим описать психологию человека через понятия «субъект», «идентичность» и т.п. теперь уже не удастся. Поэтому в клинической психологии используются такие многогранные и структурные определения, как личностная структура, личностная организация и т.п., в которых основной содержательный

акцент ставится именно на отношении различных элементов личности. Здесь, как и в психологии в целом, проблема субъекта часто объективируется. Человек рассматривается и описывается преимущественно извне, объективно, часто по аналогии с техническими механизмами. Но и в клинической психологии оказывается малоразвитой методология, методика и техника описания личности изнутри, феноменологически, как субъекта самосознания, имманентно организованного действия и т.д. Не развит здесь также язык феноменологического описания внутренних механизмов мотивации, механизмов самоосознания, психотехнических структур действия.

С нашей точки зрения, построение теории или при необходимости мета-теории субъекта возможно только на пути освоения психологическим анализом феноменологических языков описания самосознания, его функционирования и развития, и рефлексии объективных психологических методов исследования по отношению к получаемым при их помощи результатам (Бурлакова, 2008). Если мы в объективном исследовании опираемся на предварительный феноменологический анализ сознания, то появляется возможность строить такие исследования более прицельно, грамотно и точно, а феноменологические данные могут всегда их проверять, корректировать, а также открывать возможность для проектирования объективных исследований нового типа. Таким образом, именно объединение объективного и феноменологического подходов в психологии в одно целое, образование ими единого цикла психологического исследования может открыть новую зону ближайшего развития в психологии субъекта.

Литература

Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 43–64.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии. М., 2008.

Бирюков Б.В. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М., 1985.

Блюм Г. Психоаналитические теории личности. М., 1996.

Бурлакова Н.С. О новых возможностях и перспективах развития проективного исследования // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2008. № 4.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Детский психоанализ: школа Анны Фрейд. М., 2005.

Вальдхорн Г.Ф. Хайнц Гартманн и современный психоанализ // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. М., 2002. С. 55–83.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990.

Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М., 1964.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1997.

Гидденс Э. Устроение общества. М., 2005.

Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.

Декарт Р. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1994.

Еремеев Б.А. Основные понятия психологии (из опыта профессиональной рефлексии) // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 41–54.

Знаков В.В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 65–74.

Йерон М. Эго // Ключевые понятия психоанализа. СПб., 2001. С. 126–133.

Кадыров И.М. Третья позиция, или Наш психоанализ в ожидании Годо // Московский психотерапевтический журнал. 2000. № 4.

Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: стратегии психотерапии. М., 2005.

Кречмер Э. Строение тела и характер. М.; Л., 1930.

Куттер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. СПб., 1997.

- Кучинский Г.М.* М.М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности // *Методология и история психологии.* 2007. Вып. 1. С. 151–163.
- Лавлани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М., 1996.
- Лоренцер А.* Археология психоанализа: интимность и социальные страдания. М., 1996.
- Лэонтиу Ф.* Особенности половой идентичности у пациентов с личностными расстройствами: дис. канд. психол. наук. М., 1999.
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2004.
- Марцинковская Т.Д.* История психологии. М., 2007.
- Олешкевич В.И.* Рождение новой психотехнической культуры. М., 1997.
- Олешкевич В.И.* История психотехники. М., 2002.
- Олешкевич В.И.* Некоторые подходы к методологии психологии // *Методология и история психологии.* 2007а. Вып. 1. С. 20–36.
- Олешкевич В.И.* История психологии как история психотехники // *Методология и история психологии.* 2007б. Вып. 2. С. 32–39.
- Олешкевич В.И.* Истоки и пути формирования психологии А. Адлера // *Методология и история психологии.* 2009. Вып. 2. С. 104–123.
- Парадигмы социологии знания: хрестоматия / под. общ. ред. В.Л. Шульца. М., 2007.
- Психосоматика: телесность и культура / под ред. В.В. Николаевой. М., 2009.
- Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
- Соколова Е.Т.* Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // *Вопросы психологии.* 2009. № 1.
- Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф.* К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // *Вопросы психологии.* 2001. № 6.
- Томе Х., Кехеле Х.* Современный психоанализ. В 2 т. Т. 1. М., 1996.
- Турецкий М.И.* Шломо Зигмунд Фрейд // *Методология и история психологии.* 2006. Вып. 2. С. 113–127.
- Улановский А.М.* Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // *Методология и история психологии.* 2007. Вып. 1. С. 130–150.
- Феофраст* Характеры. Л., 1974.
- Фрейд А.* Эго и механизмы защиты // *Теория и практика детского психоанализа.* Т. 1. М., 1999. С. 115–244.
- Фрейд З.* Я и Оно. М., 1999.
- Фрейд З.* Торможение, симптом и тревога // *Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды.* М., 2005. С. 15–79.
- Фромм Э.* Миссия Зигмунда Фрейда. М., 1996.
- Фромм Э.* Кризис психоанализа. М., 2009.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М., 1997.
- Хартманн Х.* Эго-психология и проблема адаптации. М., 2002.
- Шабельников В.К.* Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии // *Методология и история психологии.* 2006. Вып. 1. С. 23–40.
- Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. М., 2002.
- Элленбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного. Т. 2. СПб., 2004.
- Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 1996а.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996б.
- Юнг К.Г.* Современность и будущее. Минск, 1992.
- Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции. Киев, 1995.
- Freedman L.* Identity's Architect: a biography of Erik H. Erikson. Cambridge, Massachusetts, 1999.
- Giddens E.* Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991.
- Goren E.* America's love affair with technology: the transformation of sexuality and the self over the 20th century // *Psychoanalytic Psychology.* 2003. Vol. 10 (3).